

ДОМ НА КРАЮ БЕДЫ

Арина Лебедева

Ирина Лебедева

Дом на краю беды

«Автор»

2026

Лебедева И.

Дом на краю беды / И. Лебедева — «Автор», 2026

Три судьбы женщин одной семьи, объединенные важным моментом - родным домом, сыгравшим главную роль в жизни каждой. История, рассказанная словно самим домом, который прожил несколько жизней со своими жителями и стал старым и ненужным, как многие из них. Публикую по одной главе раз в неделю. Первые семь глав бесплатно, остальные платные. Если история понравится, буду благодарна за поддержку покупкой.

© Лебедева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 ДОМ. НОВАЯ ЖИЗНЬ.	5
Глава 2 ОЛЬГА	7
Глава 3 АЛЯ	9
Глава 4 Антон	11
Глава 5 Альбина	15
Глава 6 Ритка	18
Глава 7 РИТКА БУЛЬДОЗЕР	21

Ирина Лебедева

Дом на краю беды

Глава 1 ДОМ. НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Солнце бьёт в глаза неудержимой яркой волной, и Аля блаженно шурится, развалившись на чемоданах перед домом. Дом новенький, в четыре этажа, пахнет краской и свежими опилками. Счастье! Аля думает, что так пахнет именно счастьем.

— Алька! Куда запропастились опять? Алечка!

Это мама высунулась в окошко. Они только переехали в этот новенький, прекрасный дом. Теперь они городские совсем, и осталась где-то далеко, в деревне, старая комната с низким потолком и покосившаяся крыша бани. Алька влетела на четвертый этаж, перепрыгивая через две ступеньки. В комнате прыгнула с размаху на панцерную сетку кровати, под мамин залистый смех, и уставилась в потолок. Потолок был очень высокий, метра три, свежая побелка ещё зияла неровностями и...

... в самом центре гнездилась трещина. Видны были уже глубокие дыры. Альбина прикрыла глаза.

Кажется, только вчера, пятилетней девчонкой, она светила от восторга, оглядывая эти стены, чувствуя, что впереди столько радости и всё это, конечно, связано с новым домом.

Все так думали. Новосёлы, съехавшиеся с разных уголков Сибири, в надежде на новую, счастливую жизнь. Было шумно, весело, радостно. Как давно и недавно это было, в том далёком 1951 году.

Альбина провела морщинистой рукой по распухшим, больным ногам и посмотрела на яркий магнитик-календарь на холодильнике — С НОВЫМ 2025 ГОДОМ!

Вот так. Вчера ты летала по этим лестницам, не чуя ног от радости, а теперь ты даже не выходишь на улицу. Палка почти не помогает ходьбе по лестнице. Четвертый этаж — не набегаешься.

Альбина со всхлипом вздохнула. Старая развалина. И ты, и дом. Сколько здесь уже поколений выросло, скольких Альбина перевидела за свой век.

Знать бы тогда сколько сломанных судеб наштампует эта бетонная коробка, что за трагедии развернутся перед её глазами.

Сколько их, молодых, отчаянных, покидало этот дом, клянясь не вернуться, даже проклиная. Она сама одна из них.

— Куда ты собралась? Ждут тебя где-то? Прижми уже зад. Я давно договорилась — тебя помощницей ко мне в бригаду поставят. — Ольга утирала злые слезы, пытаясь остановить дочь.

Аля только зло рассмеялась, не глядя в сторону матери, кидая в чемодан свои вещи. Ольга то злилась, то принималась плакать.

— Да чем тебе дома-то плохо? Крыша над головой есть, работа есть, на заводе всегда кто-то требуется. Обучат на месте.

— Да пропади он пропадом этот дом и завод этот! Я по-другому жить хочу!

Ольга только зарыдала, уткнувшись в полотенце. Уходит дочь ни пойми куда, не оставишь — взрослая же, школу закончила. Никто ей не указ. Несёт её от родного дома. Вся ненавистью пылает, словно обманули её.

Это её, Ольгу, жизнь обманула. Тогда все обманулись. Радость нового дома быстро схлынула, бытовые проблемы мутной жижей поглотили надежды на лучшую жизнь. Как же они стремились сюда, сейчас смешно вспомнить. Деревенский дом бросили без сожаления — как же, в город перебрались. Мужу дали место на заводе, её пристроить обещали. А главное — жильё! Новый дом, общежитие заводское в городе — мечта! Приехали сюда со своими тюками, а комната тринадцать метров, половину вещей в коридоре общем свалили.

Соседи спотыкались, смеялись, не сердились — сначала всё так радостно было, дружно. Потом уже скандалы начались:

- Что вы весь проход завалили — не пройти!
- Почему мою кастрюлю сдвинули?
- Опять воду налили на пол!

Не привыкла она, деревенская, ни к крохотным комнатам, ни к очередям в туалет, ни к общей кухне. Первые месяцы как-то всё легко казалось, к тому же заводское руководство обещало что-то доделать, как-то усовершенствовать всё в доме, облегчить быт, даже прачечную обещали в скором времени.

Когда их на завод вербовали, такую сказку обещали. В деревне лес кормил, в колхозе не разживёшься: работаешь, работаешь и всё ты будто должен, карман как был пустой, так и остался.

Нет, не хотела она назад, хотя и скучала по просторам, по маленькому палисаднику под окном, по запаху сена.

А тут город. Алечка в городе вырастет, учится пойдёт. Да и им с мужем и кинотеатры посмотреть хотелось и в квартире своей пожить с водой и отоплением, молодые ещё, может ещё сына мужу Мише родит, он о сыне мечтал.

И вообще, в деревне одни старики остались, молодежь разбежалась почти, кто в область, кто в город и осталась только тоска зеленая.

А здесь сплошь молодые, веселые. Пока вещи таскали по квартирам, перезнакомились. Вечером к дома собрались, под кленами, песни пели, мечтали. Конечно мечтали: как заживут, как на пятачке перед домом для детей песочницу сделают и скамеечки для мам, как будут тут же на праздники собираться, песни петь и танцевать.

На первые же выходные субботник назначили, порядок навести во дворе и песочницей заняться.

Сияли от счастья, сплошными надеждами жили.

Глава 2 ОЛЬГА

Ольга быстро отрезвела от новизны, практичная была, поняла, что нормальной жизни в этом доме не получится. Как-то вышло, что людей заселили, а об элементарных вещах не подумали. Четыре этажа, на каждом, в конце длинного коридора, кухня общая, несколько раковин. Точнее, четыре. Четырнадцать комнат на этаже, то есть четырнадцать семей, и на всех четыре раковины и три туалета. А душевая отсутствовала! В голове не укладывается, но не было душевой! Маленькую Алю купали в комнате, в тазу, сами ходили в соседнее общежитие, за три дома. Со стиркой выкручивались. У кого знакомые были в городе, таскались с тюками по автобусам, кто прямо в комнате ухитрялся стирать. А если не развернуться? Если семья большая? Их вон, трое было на тринадцати метрах. Пока дочка маленькая была, ещё куда ни шло, а взрослеть начала и забунтовала, возненавидела всё в доме за неудобства. За вечно натянутую верёвку с бельём через весь коридор, за загаженную кухню (а уж туалеты мой, не мой, в ужас превратили довольно скоро), за соседей-пьяниц, орущих песни ночами и отравляющих воздух, просто приоткрыв свою дверь в коридор. Вонь нечистого тела и перегара не выветривалась.

Ольга и сама была бы рада теперь отсюда умчаться куда-нибудь. Да куда? Это они раньше думали, что в город попали, потом разобрались, что и завод, и общежитие на окраине, на самых выселках, промзона. Грязь круглый год, если в город ехали, то надевали поверх обуви мешковину, иначе уделаешься по пояс.

Школа одноэтажная, где училась Аля, тоже тонула в такой же грязи, асфальт до них не дошёл. И вот теперь Алька уезжает, рвётся в другую жизнь, как когда-то сама Ольга сюда из деревни. Одну совсем её теперь оставит, мужа давно нет. Жив он, здоров и даже в этом же доме обитает, даже в одной бригаде продолжает работать, просто ей он теперь никто. Але — отец, а Ольге никто, с того момента, как ушёл на этаж ниже к молодухе, крановщице. Соседки тогда Ольгу поддерживали, даже предлагали с молодухой Катей разобраться по-деревенски, но за Катей стоял третий этаж, а там тётки — обрезчицы литья, кулаки с хороший чайник, с ними связываться страшно. Ольга тогда просто «ослепла» избирательно, просто не видела ни бывшего своего, ни Катю. Главное, Алю не забывает, деньги подкидывает ей на одежду, а Ольга переживёт. Хотя, пережить переживёт конечно, а как справиться с тоской и лицо удержать — это ещё выдержать нужно. Шутка ли — муж ушёл! Значит она что-то не так сделала, нехороша для него получается. Стыдно так, аж дух захватывает. Катка подлая ходит и в глаза усмехается, Ольга вся трясется внутри, когда её видит.

Соседка Пана сказала, что хуже бывает, живи дальше. Ну да, бывает у других и хуже, Пана женщина умная, плохого не посоветует. Но вот как с несправедливостью этой жить? Ей-то за что, такой стыд терпеть? Бывший муж ходит молчком, словно и не было её никогда, словно и постель не делили, домом одним не жили. Вместе мечтали из деревни в этот дом перебраться. Да будь он проклят этот дом, остались бы в деревне и не было бы ничего этого, она мужней женой осталась и не пришлось бы дрожать, как вору на ярмарке, встречая каждый день разлучницу. Ведь в одном доме живут, как в ловушке. В доме два подъезда, Ольга попыталась уговорить кого-нибудь поменяться комнатами, но ничего не вышло, только новую волну сплетен подняла.

Так тяжело и не поплакать даже. На работе люди, дома Алечка. Отпросилась однажды в обед домой сбегать, всю дорогу мечтала за закрытой дверью наконец выплакаться — совсем придавил камень на сердце, невыплаканные слезы, видно, затвердели. Взлетела на лестницу и

вдруг услышала смех на этаже. Катка! Из её комнаты смех и радостный голос Миши, бывшего мужа. Молодожены чертовы. Тоже отгул взяли, ночей им мало. Чуть тогда сердце не разорвалось. Прислонилась к стене и беззвучно заплакала.

В тот момент только она и осознала, что осталась без мужа. А теперь вот одна совсем останется. Сколько раз она мечтала побыть в покое в их комнате, тишиной насладиться. Вот тебе и получай — сиди одна, сбылось желание. Муж давно бросил, а теперь и Алька бросает.

Глава 3 АЛЯ

Тогда мать было совсем не жалко: ей она казалась убогой, как вся эта жизнь в заводской общаге. Хотелось в жизнь, в люди, в цветные огни яркого города. Подружка Лиза, живущая этажом ниже, рассказала про техникум лёгкой промышленности, зуб давала, что на швей берут всех и общагу дадут. У Али на этот счёт были другие соображения: хватит с неё общаги, снимут с кем-нибудь квартиру, с Лизой хорошо бы. Лиза, как и она, весь год откладывала карманные деньги, значит может платить за себя, ещё отец обещал каждый месяц помогать.

Лиза хотела пальто на сэкономленные деньги себе купить, но Аля её переубедит, это точно. Пальто никуда от швей не уйдёт, а в квартире жить — это вам не общага. Лизу она убедила ещё по дороге, и жильё быстро нашлось: шустрая бабулька прямо у техникума девчонок перехватила. Просила немного, а выделяла целую комнату с двумя окнами-фонариком, ещё и с балкончиком. Красота! Про общагу даже вспоминать не хотела. Лиза ездила к своим часто, привозила из дома соленья, ворчала на Алю:

— Чего сама не едешь? Тётя Оля опять тяжеленный баул тебе собрала. Думаешь удобно мне на двух автобусах всё таскать? Не возьму больше, так и знай!

— Не бери! Обойдусь. А туда ни за что не поеду!

— Да ладно, ещё поклянись.

— А ты зубы не скаль. Сказала «ни за что и никогда» — значит, так и будет! — А маму навещать? Или тоже не хочешь?

— Не хочу! - Аля сердилась, отмалчивалась потом по неделям. Она и сама не понимала, почему на маму сердится. Она в ту жизнь возвращаться не хотела, в тот дом; мама, конечно, ни при чём, но получается, что она часть всего этого ненавистного.

Ей казалось, что если даст слабину, приедет хоть на денёк обратно, то вся её радостная мечта о городе лопнет, как мыльный пузырь. А ещё казалось, что дом захлопнется ловушкой, стоит ей только переступить порог своей комнаты и уже не вырвется она оттуда. Стены будут накрывать голову, пригибать к полу, душить запахами кислой капусты и разлитого вонючего пива. По маме она скучала, но гнала от себя эти мысли. Просто боялась туда вернуться и всё.

Лиза не понимала. Ей тоже там жить больше не хотелось бы, но к родителям ездить — даже очень приятно. Мама накормит вкусно, отец денег подкинет. Алька просто строит из себя графиню какую-то, важничает. Не были они подругами, так... соседство объединяло, и всё на этом.

Лиза действительно перестала привозить банки, которые пыталась передать Але мама, и в отношениях наступил вежливый холод, тем более что у Лизы в техникуме появились свои подружки. Аля их сторонилась: зубоскалки и сплетницы, как и Лиза. Одиноко ей не было. Молодость всегда полна впечатлений, надежд и жажды по всему самому лучшему. Город был такой весёлый, шумный, столько радостей открывал. Можно было сходить в кино в десятый раз на «Полосатый рейс», купить целый кулёк любимых карамелек, сбежать в новом сарафане на танцевальную площадку в городском саду. Денег, что давал отец, хватало, а ещё Аля брала заказы у соседей, конечно потихоньку. Так, ерунда: пододеяльник сшить, подол платья прострочить. Мастеру в техникуме всегда можно сказать, что это своё. Платили немного, но в конце месяца набиралась приличная сумма. Аля покупала ткань в магазине и шила себе платья по выкройкам, которые брала у мастера. У неё хорошо получалось, все девочки завидовали, особенно Лиза.

Вот из-за этих платьев перед Первомаем решила Лиза с Алей снова подружиться: всё же живут вместе. Пригласила Алю на вечер в честь Первого мая к одной из своих подруг.

— Пойдём, Аля. Она в красивом доме живёт у моста, там ещё универмаг большой. Квартира большая, целых три комнаты. Компания соберётся, ребята местные будут, потанцуем.

Аля понимала, конечно, что Лизино радушие легко разгадать — попросит одно из платьев одолжить на вечер, — но согласилась.

Первое мая она любила всей душой: демонстрацию, громкую музыку, бумажные цветы, флаги. Почему бы и не отпраздновать?

Платье Лизе, конечно, дала, а сама нарядилась в такое, что все ахнули. Долго шила обновку, комбинировала ткань. Мастер Анна Петровна помогала, даже на накладные карманы ткань дала, хвалила Алю.

В итоге Лиза осталась недовольна. Думала, всех удивит платьем, а Аля затмит теперь её; зря она её позвала.

Вечер прошёл весело. Много танцевали, смеялись. Квартира Алю впечатлила.

— У меня тоже будет такая! — звонко сказала Аля, и все, кроме Лизы, захлопали.

Возвращались домой уже затемно, от провожатых отказались — вдвоём же.

Шли молча: Лиза сердилась, Аля наслаждалась триумфом.

Один переулок остался до дома, как их окружила нетрезвая компания развязных парней.

— Девочки, какая встреча! Не составите ли нам компанию?

Парни заржали, схватив девушек за руки.

— А ну пусти! — Аля гневно отпихнула от себя одного из них, и тот от неожиданности выпустил её руку.

— Гляди, какая смелая!

— Смелая! — Аля схватила Лизу за руку и буквально вырвала её из хмельных объятий костлявого коротышки.

Лиза, оказавшись за Алиной спиной, быстро побежала прочь и скрылась в переулке. Аля растерянно посмотрела вслед, а парни окружили её.

— Ну что? Теперь не такая смелая?

Глава 4 Антон

Аля приготовилась драться на смерть, как вдруг компания притихла. К ним из темной арки вышли двое мужчин. Один из них был такой здоровый, что Аля ахнула от удивления, он деловито расчистил дорогу другу, одним взглядом заставив парней отступить на пару шагов назад.

К Але подошёл второй, и она вдруг обмякла в его руках, взглянув только в его глаза.

— Эй, ты чего, синеглазка? — он подхватил её на руки, — всё хорошо, я рядом!

Когда Аля справилась с головокружением, пьяная компания уже испарилась. Она посмотрела на спасителя:

— Спасибо. Я... Если бы не вы...

— Ты!

— Что?

— Говори мне ты. И не бойся никого. Я Антон. А это мой друг Степан.

Здоровяк коротко кивнул головой и прогудел:

— Чего ночью одна шатаешься?

— Я не одна была, с подругой.

Тут нервы не выдержали, и она расплакалась. Накатил вдруг страх, гнев, презрение. Ведь Лиза её просто бросила. А ведь могла помощь позвать.

Антон, конечно, проводил её домой. И сердце бешено билось уже не от пережитого страха, а из-за внимательных, лучистых и добрых глаз Антона.

В комнату влетела, не чувствуя ног, и столкнулась с хозяйкой у комнаты.

— Что же это такое?! Ночь, полночь, а они тут хороводятся. Одна примчалась среди ночи, вещи собрала и убежала, ничего не объяснив, вторая под утро явилась! Мы разве так договаривались, а? Иди тогда вслед за подругой, раз так. Я тебя за полцены держать не буду.

Аля прошла в комнату, достала из-под клеёнки деньги и отнесла хозяйке.

— Одна жить буду. Платить буду вовремя, только не лезьте.

Хозяйка, цепко ухватив банкноты, скрылась в комнате, а Аля ещё долго лежала без сна, вспоминая тёплый взгляд Антона, его чёрные длинные ресницы и такой яркий и волшебный блеск его серых глаз.

В техникуме Аля сразу направилась к Лизе, потряхивать хотелось так, чтобы её глупая кудрявая голова об стену билась. А Лиза, оказалось, была к этому готова, только Аля приблизилась, как Лизины подружки плотным кольцом облепили её и встретили Алю обидными смешками.

— Что? Нагулялась? Вот для чего ты платья строчишь — парней завлекать? Весело ночьку провела?

— Ах ты дрянь! — ошеломлённо воскликнула Аля Лизе, — я же тебя выручила, а ты меня бросила! Даже помощь не позвала! Если бы не прохожие — что бы было со мной?

Было видно, что девушки растерялись, не ожидали такого, Лиза в лице изменилась, но быстро взяла себя в руки, гнула свою линию.

— Да какие прохожие ночью? Что ты тут за песню запела?

Аля поняла, что шкуру свою Лиза спасти теперь будет во что бы то ни стало.

Так и вышло. С каждым днём на Алю обрушивалось всё больше насмешек. Дело дошло до мастера. Надо понимать, что в те годы моральный облик был на первом месте.

Аля стиснула зубы и замолчала, когда поняла, что даже Анна Петровна ей не верит.

Не умела она оправдываться! Всегда такая была — замолкала и всё. Из техникума пришлось уйти, стало совсем невыносимо.

Дома уткнулась в подушку, дав волю слезам, и вдруг голос:

— О ком горюешь, синеглазая, не обо мне ли?

Аля подскочила — в открытое окно заглядывал Антон.

Это было невозможное счастье. Жизнь Али изменилась на корню.

Хозяйка к ним не лезла, плата поступала исправно, и Антон подкидывал бабушке подарки: то шаль, то воротник на пальто, то фарфоровый заварник.

Але было наплевать на то, что думала о ней хозяйка, Антон представился мужем, а поженятся непременно.

Про техникум не вспоминала, Антон, как то солнце, закрыл все темные пятна. И вообще обо всём позаботился, нашел ей стабильный ручеек клиентуры. Познакомил Алю со своей сестрой Валентиной, насмешливой, грубоватой женщиной, которая мыла подъезды в большом богатом доме и всем советовала модную швею, то есть Алю. Местные модницы, если поначалу к ней и присматривались недоверчиво, но после первых примерок поняли, какое сокровище попало к ним в руки.

А Аля таяла от комплиментов заказчиц, радовалась маленьким подарочкам, а главное, сияла от искреннего внимания Антона к её работе. Он каждый вечер подробно расспрашивал Алю о том, какие хозяева сделали ей заказ, как они живут, как у них всё расположено в квартире, и Аля подробно описывала.

— А ещё у них комод под замком, она там шкатулку с бусами и серёжками держит.

— От себя что ли прячут? — смеялся Антон.

— Да нет, ключик тут же и лежит, в вазе хрустальной.

— А комнат сколько? Нарисуй расположение от двери.

— Зачем?

— Как зачем? Мы с тобой тоже будем в шикарной квартире когда-нибудь жить, должен же я знать, как там всё расположено.

Аля от счастья просто светилась. Так пролетело лето, в конце осени Алю остановили на выходе от заказчицы и увели в отделение патрульные. Она никак не могла понять, что ей толкует пожилой милиционер. Какие-то разбои, кражи.

— Да, я слышала про беду у Нины Андреевны. Знаю, что обокрали. Нет, давно у неё не была, месяца два. Кто привёл? Сестра мужа, Валентина, сказала, хозяйка платье хочет сшить.

— Это Валентина? — милиционер ткнул в выцветшую фотографию, — сестра мужа, говоришь?

Аля уверенно кивнула.

— Воровка на доверии, Ляля Нос. Столько квартир обнёс, с её помощью, твой муженёк с друзьями — не сосчитать.

Аля погружалась в какой-то дурман — Валя не Валя, Антон вор, их схватили, Алю за наводчицу приняли. Как сердце не лопнуло от горя и страха — непонятно.

Але крупно повезло, её за собой воры не утанули, показали, что она ни о чём не подозревала, но следствие длилось долго.

Аля не работала, бегала давать показания снова и снова, по каждому эпизоду, и ужасалась, скольких людей она подвела под неприятности за такой короткий срок.

— Скажи спасибо, девонька, что никого не убили и сама на свободе, а жизнь свою ещё наладишь, — сказал ей следователь, уже жалея растерянную девчонку.

На суд Аля не пошла, так переживала, что увидит Антона, что живот скрутило резкой болью, и её увезла скорая.

А там новая напасть.

— Ждёте ребёнка, мамаша, а нервничаете так. О себе не думаете, о ребёнке подумайте!

Аля онемела. Через два дня вернулась домой, пересчитала деньги — хватит на квартиру ещё на несколько месяцев, но ведь ещё и питание, и ребёнка столько надо.

Слёзы хлынули бурным потоком, перед глазами стоял Антон.

Живот быстро округлился, и Аля уже не могла его скрыть даже пальтишком. Как на грех в магазине столкнулась с Лизой, та полоснула взглядом по животу и усмехнулась.

Через неделю примчалась мама. Конечно, Лиза растрепала на всю общагу, что нагуляла Аля живот. Опозорила. Даже адрес бабульки матери дала, язык без костей у этой Лизы.

Как же Аля её ненавидела. В общаге теперь и над матерью смеяться будут и попрекать всю жизнь.

Мама только взглянула на дочь своими понимающими глазами, как Аля уткнулась ей в руки и заплакала, высказала наконец всё своё горе. Мама ласково укачивала.

— Ничего, доча. Ничего. Всё переживём. Есть крыша над головой, работа будет, вырастим кровиночку. Главное, есть куда приткнуться.

Так Аля вернулась в общежитие.

Глава 5 Альбина

Глава 5 АЛЬБИНА

У подъезда стояли соседки, все кажется высыпали на улицу.

Аля выпрямила спину, подняла голову и сказала женщинам:

- Здравствуйте, люди добрые! Вот, с животом вернулась. Решила, что свои в беде не оставят, не станут языком грязь раскидывать и чужому горю радоваться. Так ведь? Ведь у каждого есть, что от людских глаз спрятать? А добрым людям и не захочется языком попусту трепать.

Аля даже слегка поклонилась соседям и вошла с прямой спиной в подъезд, вслед за семенящей по ступенькам матери. Дома уже, за закрытой дверью выдохнула, дала волю слезам.

Женщины внизу притихли, переглядывались только смущённо. Расхотелось после слов Али обсуждать её историю.

С тех пор никто про Алё пустого не говорил, даже зауважали.

Раз только ударила Алё по самолюбию эта ситуация, но зато закрыли тему раз и навсегда.

Дело было осенью, Альбина уже стала матерью, маленькая Рита была на попечении бабушки Оли, соседи в тот день вышли на уборку двора. Небольшой субботник.

Альбина мыла крыльцо и тут явилась Лиза. Вся при параде, с модной высокой причёской, она радостно сверкнула глазами, заведя Алё.

- Это кто же тут у нас? Сама королевишна. Помнится на весь дом кричала, что никогда и ни за что сюда не вернется!

Аля не реагировала, женщины тоже молчали. Лизина мама, тетя Наташа, взяла у дочери чемодан и потянула её к дому. Та упёрлась - предвкушала же представление, думала, что на смех с соседками поднимут Алё.

Тетя Наташа махнула на Лизу рукой и понесла чемодан домой, соседки молча отмывали фасад дома и заборчик.

Лиза снова начала:

- Так что, Аль? Хвост прижало и вернулась побитой собачкой? Где твой выродок-то? В детдом отдала?

Аля подняла ведро с грязной водой и вдруг окатила Лизу с ног до головы.

- Держи, раз грязь так любишь. Добро к добру, а грязь к грязи.

Соседки расхохотались дружно, глядя, как Лиза вытаращила глаза и онемела от неожиданности.

- Дура ты, Лиза. - сказала ей тетка Пана, женщина в возрасте, уважаемая всеми за мудрость и справедливость, - не суди, да не судим будешь. Неизвестно ещё какие фортели тебе жизнь выкинет.

Потом из окна слышно было, как Лиза ругается с матерью.

Альбина переживала страшно, это с виду казалось, что она спокойна, как скала. Нет, трясло так, что дома воды попить не могла, так зубы об стакан дробью били. Но об этом знала только мама и маленькая Рита, которая таращила свои серые лучистые глаза на всех и улыбалась чему-то в потолок.

Альбина пошла на комбинат. Куда ещё? Надеялась, что дадут им с дочкой комнату когда-нибудь. Они вообще всю жизнь на что-то надеялись. Сначала на квартиру, потом на капитальный ремонт, потом на то, что дом признают аварийным и переедут они в квартиру.

Умерла Ольга, так и не дождавшись, когда внучка пойдет в первый класс. Вместе с ней ушла навсегда советская эпоха. Комбинат закрылся.

Все метались в поисках работы, Альбина купила с рук старую швейную машинку, строжила дома безразмерные робы, нашелся заказчик. Иногда соседки работы подкидывали, иначе никак.

Дом изменился до неузнаваемости и внешне и внутренне. Осыпался, местами обрушился, ступеньки крошились, штукатурка висела острыми клочьями.

Раньше хоть сами жильцы ремонт в коридоре делали, теперь никому нет дела.

Кто уехал, если было куда, кто запил, (этих было большинство) и дом совсем стал похож на притон.

Аля себя с дочкой обшивала как могла. Выручила подработка, свели её с одной богатой модницей, та любила наряды менять, ткань возила из зарубежных поездок. Аля выкройки делала с хорошим запасом, хитрила. Хозяйка потом пакет с кусочками оставшимися (не обрезками), который Аля в конце работы ей вручала, брезгливо передавала назад. Аля собирала это добро, а потом ночами колдовала, собирала лоскутки, комбинировала, сшивала. И здорово выходило, надо сказать!

А маленькую Маргошу наряжала в дешёвый ситец, который продавался на каждом шагу, но шила из него такую красоту, что на дочку всегда оглядывались.

Альбина устроилась в швейную мастерскую - хоть какая-то стабильность, а ночью продолжала шить на своей машинке. Все видели молодую, модную, деловую женщину, ночами только проступала настоящая Альбина: уставшая, разбитая, мечтающая об отдыхе и о любви.

— Я развалина, — плакала Альбина, стараясь не разбудить дочку.

Руки скручивало от боли, спину и шею ломило нестерпимо — вот плата за вечное сидение за швейной машинкой. Она задыхалась даже с открытым окном, в комнату воздух будто и не поступал. Как она мечтала вырваться отсюда. Господи, да куда угодно! Были бы силы. С виду молодая, а внутри разваливается всё и стонет.

Дом тоже стонал, наверное, задыхался от клубов папиросного дыма и перегара. Скрипел ветром в продуваемой крыше и осыпался. Беспросветность какая-то. Неужели шанса жить по-другому тут нет?

За Альбиной пытался ухаживать сантехник, обслуживающий их мастерскую. Хотелось надеяться на женское счастье, но сил не было, чтобы встряхнуться и пойти на свидание. А ведь она даже не знает, что такое свидание! Антон как-то сразу вошёл в её жизнь и объявил себя хозяином. Сколько лет прошло. Где он? Что он? Даже не знает, что дочь у него растёт. Пошла, похоже, в него. Не внешне, внутренне. Сначала привирать начала, чего Альбина никак не ожидала, не было этого в их семье. Потом хуже: на воровстве несколько раз попалась. Альбина пыталась сначала беседовать с ней по душам, потом грозила наказаниями, а когда Риту притащила соседка с криком, что мерзавка из сумки кошелек украла, и это в десять лет, Альбина стала хлестать дочь хозяйственной авоськой. Рита выла, клялась матери, что больше никогда, и снова попадалась. Её перестали называть Ритой или Маргошей, как ещё бабушка ласково её называла, теперь для соседей и мамы она была только Ритка.

— Не знаю, что делать, позорит меня перед людьми, — жаловалась Альбина тетке Пане.

— Мужик нужен! Тебе — помощь, ей — мужское воспитание, — отрезала мудрая старуха, и Альбина решила ответить на ухаживания сантехника Петровича.

Он, в целом, неплохой мужик, просто не знала она уже, как это бывает с мужчиной. Может, что и сложится. Не сложилось. На пути вновь возникла Лиза. Задурила голову мужику, Алё в самом черном виде выставила и переметнулся Петрович к Лизавете.

Альбина обиду проглотила, махнула рукой. Решила, что время всё по местам расставит. Лиза свой поганый характер когда-нибудь на собственной шкуре испытает.

Альбине не до того, ей дочку поднять надо.

Глава 6 Ритка

Не могла Альбина справиться с дочерью. Гены, никуда не денешься - тянулась ко всему запретному лет с двенадцати. Воровка, пакостница, лгунья. И всё ей ни по чём. Люди стыдят, а она прямо в глаза смотрит своими наглыми глазами и возмущается:

- Не я это! Наговариваете.

Пьяных обирала ещё подростком, на кухне по мелочи прихватывала, а потом и попить стала. Понравилось.

Альбина за шкуру вытаскивала из комнат, где пьянствовали мужики. Казалось, что этот позор теперь никогда не забудет ни сама Альбина, ни Ритка.

Всё перевернулось в жизни матери и дочери в тот момент, когда Ритка впервые не пришла ночевать, а Альбина не пошла искать её по комнатам общежития. Просидев до утра у окна, в старом мамином кресле, она явно поняла, что изменить ничего не в силах, просто бессильна перед опасным темпераментом Ритки и что с этим делать - неизвестно. Дочери шестнадцать, паспорт на руках, в её возрасте она сама отрезала от себя мать и бежала без оглядки из этого дома.

Альбина с тоской посмотрела на потемневший потолок (побелка не спасала, дожди протекали в дом, игнорируя ремонт крыши), посмотрела на свою комнату. Две кровати, полка с книгами, кресло и стол у окна (половина под швейную машинку, половина - обеденная), нелепый трёхстворчатый шкаф, в котором вся жизнь семьи - одежда, посуда, игрушки.

Это всё, что она нажила, всё что может предложить дочери.

Рита пришла под утро, выдохнув в комнату тугой запах портвейна и папирос. Альбина схватила авоську, а та шустро упала на коленки ей в ноги и хрипло закричала:

- Не бей, мамка, не бей!

Альбина остервенело хлестала её по спине авоськой, а Ритка вдруг резко поднялась на ноги, свирепо сверкая пьяными глазами.

Альбина отступила - только сейчас она осознала, что дочь в два раза крупнее её. Высокая, широкая, лохматая, она возвышалась над матерью, как медведица.

- Не трожь, убью!

Ритка захрапела на кровати, а Альбина дрожащими руками, ощупывая по стеночке дорогу, добралась до кресла. Вся комната в десять шагов, а ей казалось, что она сутки добиралась к окну.

В голове стучало: Это конец!

Альбина так и просидела в кресле до обеда, когда поднялась проспавшаяся Ритка. Схватила за чайник, вылебала почти полный, покосилась на молчащую мать.

Тоже молча скидала свои вещи в чемодан и выгребла из шкатулки все деньги на хозяйство, до копейки, копилку тоже опустошила (собирали на диван целый год).

На пороге обернулась и хохотнула:

- Сдохни здесь, вместе с этой развалиной.

Ритка хлопнула дверью, пошла к остановке, проваливаясь в грязь, дорога вечно была размыта и не просыхала даже в солнечную погоду.

До автобуса ещё час, никого.

Она оглянулась на дом, который был виден облупившимся жёлтым боком и вдруг заплакала.

- Не нужен мне этот клоповник, другой жизни хочу. А мать пусть там остаётся, раз так нравится. Ненавижу.

За что ненавидит мать, она сама не понимала в тот момент, но душу прямо раздирало от обиды и жалости к себе.

- Ни за что туда не вернусь. Ни за что и никогда!

Ритка сжала губы от злости - что у неё там было: вечные тычки, мамкина авоська по спине, фырканье соседей. Только бабушка Оля её и любила, а больше никто. Мать вечно переживала, что люди скажут, морали читала без конца. Соседи эти, тоже, вечно святош из себя корчат, слова доброго не услышишь. Пьянь малолетняя, воровка, бл... Чего только не слышала о себе. А она не виновата, что такая! Ничего с собой поделать не могла. Невыносимо скучно было жить, как мать заставляла, тянуло всё куда-то, сжигал изнутри беспокойный огонь, подстрекал на подвиги.

Вот уйдет сейчас в другую жизнь, где её никто не знает, никто шипеть не будет в спину, что воровка и пьянь, и всё сложится.

В городе будет жить - там огни, там музыка, там радость, там найдется место для её кипучей натуры.

Место и в самом деле нашлось подходящее, самое что ни наесть подходящее: ресторан. Бойкую Ритку с радостью взяли в официантки и пристроили сразу на ночлег. Всё как мечтала - квартира с видом на проспект, ванна белоснежная, кухня с окном, правда на троих, но и не мечтала даже о таком. В квартире ещё две официантки жили, с девочками сразу подружились.

Ритка была счастлива: ей очень нравилась шальная атмосфера ресторана, пьяненький клиент, вкусная кухня.

Нашлось применение и её натуре: обсчитывать и прихватывать деньги со столиков пьяных посетителей научилась с первых дней. Чаевые получала щедрые - веселую, разбитную официантку любили. Теперь она была для всех Королева Марго, так себя и называла.

Очень скоро Ритка сняла небольшую квартирку, прямо над рестораном, для себя одной и зажила веселой, сытой жизнью.

Глава 7 РИТКА БУЛЬДОЗЕР

Шли годы, и Альбина уже смирилась, что дочь исчезла навсегда. Ритка словно испарилась, ни разу о себе не дала знать, словно и не было её. Альбина будто разделилась на две половины: одна из них жила спокойной, умеренной жизнью, могла теперь без стыда смотреть в глаза соседям и отвечать только за себя, а вторая половина рвалась и терзалась от вины и тревоги. Где носит её непутёвого ребенка, всё ли с ней в порядке?

- Хорошо всё с ней! Стало бы худо, вернулась бы домой, - сказала уверенно тётка Пана, единственная, с кем делилась Альбина. - Живи так, будто она уехала в отпуск и вот-вот вернётся.

Совет помог, стало легче, со временем Альбина и сама в это поверила и, когда нет-нет, да спросят соседи о Ритке, уверенно отвечала:

- Всё у неё хорошо! Захочет - вернётся.

Она даже для дочери на каждый праздник покупала подарок и бережно хранила в шкафу, на Риткиной полке. Полка заполнялась и перестала пугать своей пустотой, и на душе было спокойнее.

Ритка объявилась под самый Новый год, 2000-й. Эта цифра казалась какой-то мистической. Альбина заметила, что все как-то оживились: люди устали от проблем и неопределённости и начали видеть в магической круглой цифре что-то особенное, связывали с этой датой надежды на лучшую жизнь. Прямо гипноз какой-то, соседи разом вдруг уверовали, что близится новая точка отсчёта их жизни и впереди только лучшее.

Альбина наряжала ёлку, когда открылась дверь и в комнату вошла Ритка. И не Ритка - совсем взрослая женщина: макияж, золотой перстень на пальце, меховой берет.

Альбина кинулась обнимать дочь, но вышло неловко, Ритка к объятиям не привыкла.

"Это я недодала", - заныло где-то в сердце.

Ритка разделась, начала молча озираться, осматривать комнату.

- Шторы новые?

- Да, сшила недавно, - обрадовалась Альбина нарушенному молчанию.

Ритка открыла шкаф и уставилась на свою полку - вся забита.

- Дочка, это тебе подарки за все годы. - тепло сказала Альбина, умилившись растерянностью дочери, та впервые в жизни, кажется, засмутилась. Осторожно брала в руки пакеты с презентami, заглядывала внутрь, переминаясь с ноги на ногу.

Альбина почти плакала, казалось, что теперь у них с дочкой появился шанс начать нормальные взаимоотношения.

Но в ту же ночь надежда испарилась. Пока готовили к новогоднему столу, обсуждали наряды, провожали старый год - всё было прекрасно, так прекрасно, что Альбина благодарила жизнь, что дочь вернулась такой повзрослевшей и изменившейся, а потом дочь хлебнула лишнего и проступила истинная Ритка.

Сначала на Альбину посыпались обиды за неудавшуюся жизнь, потом вся ненависть на людей и судьбу вылилась в обвинения. С Ритки слетел весь лоск, который она старательно навела в начале праздничного застолья: макияж поплыл, причёску она сбила жирными пальцами, нож и вилка задвинуты за тарелку - пьяная Ритка тянула в рот закуску прямо руками и вытирала их о скатерть.

Альбина видела, что для неё всё это привычно: и пить водку, как воду, почти не закусывая, и скабрёзности, которыми она пересыпала свою и без того грубую речь, а главное - ненависть ко всему и ко всем.

Стоило догадаться сразу, что не удалось Ритке устроить свою жизнь, иначе не вернулась бы она сюда, в дом, который она ненавидит всей душой. Альбина с горечью слушала пьяную дочь, даже не смахивая набегающие слезы.

Ритку несло, с садистским удовольствием она рассказывала про свои аборты, какие-то схемы, за которые её чуть не посадили, про рынок, где она переходила от одного кавказца к другому. Много чего она вывалила в ту ночь на мать, но главное - она считала именно Альбину виноватой в своих горестях. Не там родила, не от того, не там вырастила, не так воспитала и много ещё чего, и всё это грубо, нервно, с дикой яростью.

Самая главная вина Альбины - она не сдохла, как выразилась дочь, пока та отсутствовала.

Так и встретили новый 2000 год мать и дочь, одна с ненавистью, другая с горечью.

Альбина боялась себе признаться, что дочь она теперь боится. Эта новая Ритка просто излучала тяжёлую волну ненависти и угрозы.

Соседи поздравляли её с возвращением дочери, она лишь слабо и сдержанно улыбалась в ответ.

Вскоре соседи отступили по своим комнатам, Ритка, казалось, заполонила собой всё пространство, хоть по стеночкам ходи. Несладко было тем, на кого она затаила обиду, а остальным быстро дали понять - дышите, пока можете. Ритка реально добивалась уважения кулаками - любой намёк на её бурную юность мог закончиться сломанным носом. Её прозвали Ритка Бульдозер - сметала, мяла всё на своём пути.

Сведя счёты с обидчиками и установив свой порядок, Ритка осела дома. Бесконечно пила и снова и снова хвастливо пересказывала матери о своих подвигах. Накачивалась быстро и засыпала, уронив голову на стол.

А пропившись, вышла на работу. И куда! - няней в детский сад. Все просто поразились - так не вязалась Ритка Бульдозер и детсадовская нежная атмосфера. И снова сюрприз - Ритка ребятишек обожала, а они самозабвенно полюбили Ритку, висели на ней гроздьями каждый день, и им было всё равно, что у няни невымытые волосы, запах перегара и вечно заляпанная форма.

Руководство на всё закрывало глаза - Ритка могла одна на несколько групп работать, нянь вечно не хватало. И не было в саду ребенка, который бы её не обожал.

Похоже, что на работе Ритка и восполняла свой дефицит любви, любовь матери отторгала всем существом.

Альбина радовалась хоть тому, что Ритка при деле и даже на хорошем счету. Та таскала домой в банках детсадовскую еду, и это было хорошим подспорьем, жили скромно, экономно.

Ритка иногда целыми сумками приносила хлеб, батон, молоко и консервы (дружила с поварами), и даже подкидывала что-то соседям, по какому-то приступу неожиданной доброты. Эти вспышки были для неё самой настолько неожиданные, что потом, напившись, она начала попрекать тех, кого одаривала.

Мать она постоянно гнобила этим. Альбина терпела перепады настроения дочери, лишь бы та, выговорившись, поскорее успокоилась. А потом и вовсе перестала дома есть - увидела как-то, как пьяная дочь соседке тушёную капусту накладывала в кастрюльку, загребая пищу прямо руками, кидая ошмётки с рук в тару. Альбину тогда замутило отчаянно, не смогла бы она больше из рук дочери ничего принять.

Ритка ещё и с Лизой сдружилась, с той самой, что с самой юности гадости делала, Альбина ей многого простить не могла. Сошлись Ритка с Лизой мгновенно: обе сплетницы, обе завистливы до жути. Сядут с бутылкой и грязь перемалывают самозабвенно, любого обсудят и осудят.

Альбина как-то поймала себя на мысли, что готова плюнуть в тарелку с салатом, которую Ритка наполнила, чтобы к Лизе с бутылкой пойти.

Воспитание не позволило так поступить, хоть Лиза и допекла. И так с дочерью у Альбины сложно было, а тут ещё Лиза гадости Ритке про мать говорит.

- Что ей неймётся? Это ведь она вечно мне пакостила. Даже Петровича именно она увела тогда, - в сердцах говорила она Пана. Альбина теперь у тетки Паны всё больше отсиживалась, а та всегда была ей рада.

- Брось, Аля. Недолго ей соловьём петь, ты свою дочь знаешь, Ритка дружит недолго.

И точно. Как в воду глядела мудрая тетка Пана, кончилась дружба. Застала как-то Лиза Ритку в кровати со своим мужем, тем самым Петровичем - пьяной Ритке и старый пень сгодился. Лиза забылась, думала пьяные посиделки ей другое отношение гарантируют, вцепилась Ритке в волосы, а та ей врезала от души.

- Ты что? - завизжала Лиза, отлетев к стене. - Я же тебе в матери гожусь!

- Пошла ты на ...! Что ты о матерях-то знаешь? - плюнула Ритка, зная, что Лиза особенно страдала от своей бездетности. Ритка мастерски всегда попадала в самое больное место.

Больше к Лизе не ходила, дома пила. Про Лизу теперь гадости рассказывала и попрекала мать привычно. Пила много, но на работу ходила. Альбина молчала. Пусть попрекает, пусть хозяйкой себя считает, главное - при деле.

Но и это кончилось. Сначала детский сад закрыли на ремонт, а потом вдруг расформировали ребятишек и объявили, что здание пойдет под снос. Район отстраивался, старые строения мешали.

Ритка надолго запила. Теперь её обида на жизнь стала ещё ожесточеннее и искала выхода. В итоге связалась с компанией местных отмороzków, держащих в страхе район. Один из них был из их же дома, молодой двадцатисемилетний парень, Митя, по прозвищу Бычара. Его боялась вся округа, прославился своей жестокостью.

Альбина была в ужасе, когда узнала, что Ритка с Бычарой стали любовниками. Когда Ритка ушла из дома, в свои шестнадцать, тому было всего-то восемь. Как же Альбине это было дико.

Пара Бычара и Бульдозер - нарочно не придумаешь. Альбина хорошо помнила этого злобного Бычару совсем малышом, ужасно он ей нравился - таким чудесным был мальчишкой, со светлой, хитрой улыбкой.Б